

3

ФИЛЛИС ДИН

РОЛЬ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

3.1. Введение

Причины того, почему экономисты изучают (или преподают) историю экономической мысли, многообразны, они зависят от экономического видения и ближайших целей отдельного исследователя (или комментатора), а также от прогресса этого предмета как научной дисциплины. Например, в XIX в. серьезные исследователи политической экономии начинали с чтения трудов «старых мастеров», а некоторые из них «шли дальше», публикуя комментарии по поводу прочитанного. Дж. Р. Мак-Куллох, первый английский историк политической экономии, написал множество статей на эту тему (например, для газеты «Scotsman» и для Британской Энциклопедии), прежде чем издать свой «Исторический очерк возникновения науки политической экономии» («Historical Sketch of the Rise of the Science of Political Economy») (1826), а в 1845 г. он опубликовал первую аннотированную библиографию экономической теории (McCulloch, 1938).

Как один из ведущих экономистов своего времени Мак-Куллох писал под влиянием и с точки зрения тогдашней рикардианской ортодоксии. Следующий автор, писавший историю политической экономии для Британской Энциклопедии, был личностью совершенно иного типа. Дж. К. Ингрэм, ирландский ученый с разносторонними интересами, но не обладавший особой оригинальностью, приобрел репутацию авторитета в научных экономических кругах, выступив с получившим широкую известность президентским обращением в 1878 г. на сессии в Секции F Британской ассоциации развития науки, где он доложил о «Текущем положении и перспективах политической экономии» и объявил о рождении «новой экономической теории». Его «История политической экономии» («History of Political Economy») (изначально предназначенная для Энциклопедии 1878 г.) была не столько историей экономической мысли, сколько манифестом историцистской критики английской классической экономической теории. Такое энергичное нападение на ортодоксию, уже

служившую мишенью для сильных нападков с разных сторон, породило особый интерес к предмету, который большинством исследователей рассматривался как весьма скучный. После публикации этой работы в виде книги — сначала в Соединенных Штатах по настоянию известного профессора Гарвардского университета Тауссига, а затем в Англии в 1888 г. — она стала самым удачным учебником XIX в. по истории экономической науки.¹

Со временем университеты с наиболее уважаемыми экономическими факультетами требовали от своих студентов знания — пусть даже полученного не из первоисточников — трудов, на которые их преподаватели благоговейно ссылались в качестве «поддержки» их собственных лекций. Профессионализация дисциплины, ускорившаяся в конце XIX и начале XX в., повысила спрос на новые учебники, посвященные экономической мысли прошлого. Большинство таких учебников оказывались либо агиографиями, либо книгами, представлявшими теории прошлого в виде «монументальной коллекции ошибок», которые можно было убедительно противопоставить развитому состоянию современной науки.² Было очень мало глубоких лекций и содержательных учебников, которые могли бы помочь поддерживать предмет на уровне, отвечающем требованиям разборчивых студентов. Например, в 1961 г. Самуэльсон в своем президентском обращении к Американской экономической ассоциации ссылался на «Историю экономических учений» Жида и Риста, а также на лаконично написанную книгу Александра Грэя, являющуюся «другом перегруженного студента», как на два учебника, на которые студенты могли опираться при подготовке к экзаменам в 1930-е гг. (Samuelson, 1962). Действительно, за исключением книг Жида и Риста (Gide, Rist, 1909), Грэя (Gray, 1931) и «Истории экономической мысли» Ролла (Roll, 1938), в этой области не публиковалось ничего выдающегося до тех пор, пока не была издана монументальная «История экономического анализа» Шумпетера (Schumpeter, 1954b). Дело в том, что подъем «высокой теории», начавшийся в конце 1920-х и в 1930-е гг., и все более технический характер навыков, требуемых от профессионального

¹ Она выдержала несколько изданий на английском языке, в том числе и посмертное 1915 г., изданное Ричардом Эли с дополнительной главой У. Э. Скотта. Согласно Куту (Koot, 1987), она была переведена на немецкий, польский, русский, шведский, чешский, сербский и голландский языки.

² См., например, описание Боудлингом курса, который изучался им в его бытность студентом в Эдинбургском университете: «Студент сперва изучал то, что было неправильно у Адама Смита, и все те аспекты, в которых он ошибался; затем переходил к изучению того, что было неправильно у Рикардо, затем — того, что было неправильно у Маршалла. Многие студенты так и не узнали ничего правильного, и мне думается, что в ходе изучения курса создавалось впечатление, что экономическая теория была монументальной коллекцией ошибок» (Boulding, 1971 : 232).

экономиста, делали все менее и менее обычной ситуацию, когда курс по истории экономической мысли трактовался как обязательная часть базового экономического образования. В качестве предмета, изучаемого в рамках бакалаврской программы, эта дисциплина действительно вытеснялась специальными и техническими курсами.

В качестве области исследований история экономической мысли «росла» вглубь и вширь (хотя этого нельзя сказать о количестве публикаций). Несмотря на то что большинству студентов этот предмет не казался нужным, находились ведущие мыслители, черпавшие в нем вдохновение. В XX в., как и в XIX, теоретики-новаторы, осознавая недостатки современной им ортодоксии, возвращались к трудам экономистов прошлого в поисках неиспользованных или забытых находок. Естественно, они имели склонность интерпретировать классиков в современных терминах, что порождало плодотворные дебаты среди специалистов в данных областях. Подчеркивая новую роль истории экономической мысли, престижные современные теоретики способствовали росту ее популярности в глазах молодых исследователей, искавших «жизнеспособные» темы для своих диссертаций. Контрастными примерами занимавшихся «высокой теорией» ученых, побочные экскурсы которых значительно продвинули историю экономической мысли (прямо, косвенно или вызвав критику со стороны других ученых), являются Маршалл, чья «реабилитация» Рикардо вызвала пронизательную критику со стороны У. Дж. Эшли в 1891 г., и Самуэльсон, чьи работы, где дан разбор марксистских моделей в 1951 г. и анализ марксистской концепции эксплуатации в 1971 г., породили ответную реакцию, оказавшуюся как энергичной, так и суровой. Более недавний пример ученого, влияние которого на историю экономической мысли до сих пор не стало заметным, — это Моришима, который по-новому интерпретировал и расширил модели, обнаруженные им в вальрасовских «Элементах», марксовом «Капитале» и рикардовских «Началах», применив специализированные методы современной математической экономики (Morishima, 1973, 1977, 1990).³

Более важно то, что некоторые ведущие теоретики середины XX в. провели свои исследования в области истории экономической мысли настолько эффективно, что стали признанными авторитетами в этой сфере. В качестве наиболее выдающихся примеров следует привести Найта, Стиглера и Хикса. К ним нужно отнести и Шумпетера, который

³ Возможно, пока слишком рано оценивать воздействие недавних изысканий Моришимы в области истории экономической мысли, но трудно поверить, что неисторические проблемы, поставленные им (и другими экономистами, которые переписывают классику на совершенно ином современном языке), могут значительно способствовать развитию этой дисциплины. Это, конечно, и не было его целью.

проявлял устойчивый интерес к истории экономической теории и потратил последние девять лет своей жизни на пересмотр и усовершенствование своего раннего очерка, посвященного развитию экономических доктрин и методов (впервые опубликованного на немецком языке в 1914 г.).⁴ Этот проект, подготовленный его женой для опубликования после его смерти, вылился в массивную историю экономического анализа. По сути, «История» Шумпетера оказалась вехой в истории экономической мысли. В данной работе были сформулированы цели и задачи, на которые стали опираться авторы более поздних учебников; это произведение — по причине своей всеохватности — стало «точкой отсчета» почти для всех новых исследователей в данной области; оно стало источником цитат и дискуссионных проблем для лекторов, стремящихся привлечь аудиторию на свои факультативные курсы.

3.2. Факторы, внесшие вклад в возрождение истории экономической мысли в середине XX в.

К 1940 г. большинство выпускников-экономистов могли завершить свое базовое обучение без серьезного соприкосновения с теориями, не одобренными современной ортодоксией, в то время как честолюбивые и молодые преподаватели и исследователи могли найти более перспективные способы сделать карьеру, чем путем публикации статей, посвященных экономистам прошлого. Однако в 1950-х гг. началась новая эра в истории экономической теории, эра, в которой *общий* интерес и значение оригинальных исследований в этой сфере возросли в беспрецедентной степени. Новое, менее зашоренное поколение историков экономической мысли стало исследовать то, что Стиглер (Stigler, 1965) назвал «последней несубсидируемой областью экономической науки», охватывая широкий диапазон проблем и увеличивая круг читателей. Например, доказательства «расширения горизонтов» в англоговорящем мире можно обнаружить в переводе и опубликовании трудов, критикующих тогдашнюю ортодоксию, таких как книга Мюрдаля «Политический элемент в развитии экономической теории» (Myrdal, 1953), впервые изданная на шведском языке в 1929 г.⁵ Также значительным событием, хотя и представляющим интерес в основном для специалистов по истории марксистской эконо-

⁴ Очерк 1914 г. впервые появился на английском языке в 1954 г. (Schumpeter, 1954a).

⁵ Согласно Хиксу, который рецензировал английское издание в декабрьском номере «Economic Journal» и поставил эту «важную книгу» в один ряд с работой Роббинса «Природа и значение экономической науки» (Robbins, 1932), диссертация Мюрдаля в ее немецкой версии имела широкоохватное влияние (см.: Hicks, 1983).

мической мысли, был перевод и опубликование в 1951 г.⁶ отрывков из трехтомника Маркса «Теории прибавочной стоимости», впервые изданного посмертно на немецком языке в 1905–1910 гг.

Оживление интереса, медленно набравшее силу в 1950-е гг., отнюдь не было узко антикварной исследовательской программой. Не являлось оно и возвратом к тому, что Коутс однажды описал как «склонность к «культу предков», которая когда-то была профессиональным заболеванием экономистов».⁷ Фактически имел место нарастающий поток исследований, который к 1980-м гг. дал следующие результаты: большие списки основных работ для студентов, изучающих продвинутую экономическую теорию; ценный массив «диссертационных» тем для талантливых претендентов на получение докторской степени; удобные аналитические рамки для доктринальных дебатов, а также набор разнообразных интеллектуальных проблем, способных заинтересовать экономистов-теоретиков, методологов или историков идей. Однако прежде, чем перейти к обсуждению некоторых новых подходов к истории экономических идей, характеризующих период, начавшийся около 1950 г., стоит упомянуть об определенных изменениях в интеллектуальной атмосфере, которые повлияли на положение дел в данной области.

Помимо накапливающихся и далеко немаловажных последствий устойчивого потока исследовательских статей и монографий высокого качества существовало два других фактора — один внутренний, а другой внешний для данной дисциплины, содействовавших пробуждению и поддержанию более широкого интереса к истории экономи-

⁶ Полный и более авторитетный перевод в трех томах (опубликованный также Лоуренсом и Уишартом) начал выходить в 1963 г., и в списке литературы содержатся ссылки на сделанный в 1969–1972 гг. репринт этого издания.

⁷ Приведенный в кавычках отрывок взят из статьи Коутса (Coats, 1969 : 11), в которой дан обзор исследовательских приоритетов в области истории экономической мысли для первого выпуска «History of Political Economy» — первого специализированного журнала по этой дисциплине. Коутс придерживался довольно мрачного взгляда на прогресс, достигнутый в опубликованных до сих пор исследованиях. Например:

...в прошлом слишком много усилий было посвящено *истории догм (Dogmengeschichte)*, написанию книг по истории экономической теории для экономистов и задаче установления источников и меняющихся интерпретаций отдельных понятий или теорий. Более того, эта работа часто осуществлялась либо магистрами, искавшими надежную тему для диссертации, либо признанными экономистами, искавшими респектабельную родословную для своих любимых идей, либо престарелыми представителями этой профессии, надеявшимися найти какие-нибудь способы времяпрепровождения в часы досуга или по выходе на пенсию.

(Coats, 1969 : 12)

ческой мысли. Первым фактором было появление значительного потока новых авторитетных научных изданий всемирно известных классиков экономической науки и компиляций прежде не опубликованных трудов и переписки выдающихся экономистов прошлого. Например, среди наиболее мощных стимуляторов новых исследований и оживленных дебатов было десяти томное издание «Трудов и переписки» Рикардо, осуществленное Сраффой и Доббом (1951–1973). После двух десятилетий подготовки первые два тома были опубликованы в 1951 г. Том I содержал первое, дополненное примечаниями различных комментаторов, издание «Начал» Рикардо, предваренное новаторским введением редакторов; а в том II вошел текст «Принципов» Мальтуса с собственными пометками Рикардо. Эта богатая сокровищница первичного и вторичного материалов стала общедоступной для всех интересующихся после опубликования в 1966 г. указателя ко всем десяти томам. 29-томное «Собрание сочинений» Дж. М. Кейнса, которое начало выходить из печати в 1971 г. и было полностью опубликовано к 1989 г., породило еще больше дискуссий, представлявших непосредственный интерес для всех экономистов. Другими крупными предприятиями такого типа были издание Торонтским университетом «Собрания сочинений» Дж. С. Милля, которое начало выходить из печати в 1960-е гг., и публикация Университетом Глазго юбилейного Полного собрания сочинений трудов Адама Смита, начатое в подходящий (1976) год прекрасными новыми изданиями «Богатства народов» и «Теории нравственных чувств» (Smith, 1976a, b). Но это только выдающиеся примеры, впечатляющие по масштабу, а также по качеству и широкому интересу, который они породили. Имели место и новые переводы, аннотированные издания и компиляции — слишком многочисленные, чтобы перечислить их полностью, — трудов таких известных экономистов, как Мак-Куллох, Вальрас, Джевонс и Маршалл, равно как и отдельных авторов, представляющих интерес для более узкого круга специалистов: в качестве примера можно привести трехтомное издание писем Оверстона, опубликованное О'Брайеном (O'Brien, 1971).⁸

⁸ Некоторые из них уже упоминались (например: Marx, 1969–1972; Myrdal, 1953). К другим изданиям, представляющим особый интерес, следует отнести семитомное собрание «Сочинений и писем» У. С. Джевонса, изданное Блэком и Конекампом (1971–1980), сделанный Жаффе перевод «Элементов» Вальраса (Walras, 1954) и его же «Работ и связанных с ними писем» (Jaffé, 1965), а также издание Уайтейкером «Ранних сочинений Альфреда Маршалла» (Whitaker, 1975). Сэмюэл Джонс Лойд, лорд Оверстон, был важной фигурой в дебатах XIX в. по вопросам денежного обращения, и опубликование О'Брайеном (O'Brien, 1971) его статей и писем явилось результатом случайного открытия, сделанного издателем при написании монографии о Мак-Куллохе (O'Brien, 1970).

Публикации такого типа сделали доступной для неспециалистов массу первичного материала, часто подкрепленного введениями, сносками и комментариями издателей, которые были результатом глубокого оригинального исследования трудов ключевых авторов, их интеллектуальных или исторических связей. Эти издания не могли не вызвать интересных обзоров и откликов в научных журналах с широкой читательской аудиторией. Действительно, значительно уменьшив исследовательские издержки участия в дебатах, они побудили многих экономистов сделать полезный вклад в историю экономической мысли.

Внешним фактором, оказавшим в послевоенные десятилетия заметное воздействие как на вопросы, к которым обращались историки экономической мысли, так и на интерес неспециалистов к их ответам, был подъем исследований и дискуссий в области истории, социологии и философии науки в целом. Начало широкой осведомленности экономистов в этих новых интеллектуальных течениях можно датировать началом 1960-х гг., когда книга Куна «Структура научных революций» стала бестселлером.⁹ Эта книга подняла множество вопросов, показавшихся важными представителям социальных наук в целом и экономической в частности. В ней Кун — уже хорошо известный как автор научной монографии о коперниканской революции — изложил свою общую теорию о пути, по которому следуют развитие, прогресс и изменения научных дисциплин. Аспектом, придавшим данной теории особую значимость, для представителей как «точных», так и «неточных» наук было его отрицание традиционного допущения, согласно которому прогресс научного знания является результатом систематического кумулятивного объективного процесса исследований. Центральным понятием в теории Куна было понятие парадигмы, т. е. идеи четкой структуры, состоящей из допущений, теорий, аналитических методов и проблем, требующих решения, которые вместе составляют общий багаж людей, практикующих в сфере данной дисциплины. Несмотря на то что возникло много семантических и философских дебатов по поводу точного значения «парадигмы», данная идея сама по себе не была новой.¹⁰ Новым и спорным оказался тезис Куна,

⁹ Книга Куна (Kuhn, 1970) была вторым, пересмотренным и исправленным, изданием оригинального очерка, а идеи, содержащиеся в ней, были в дальнейшем развиты в его книге (Kuhn, 1977), представлявшей собой сборник очерков, в которых автор отвечал своим критикам.

¹⁰ См., например: Popper, 1970 : 51: «Ученый, занимающийся исследованиями, скажем в области физики, может сразу же разрабатывать проблему. Он может немедленно подойти к сердцевине вопроса, т. е. к сердцевине организованной структуры. Ведь структура научных доктрин уже существует, а с ней существует и перечень общепринятых проблем».

согласно которому в рамках господствующей парадигмы науки или дисциплины имеют место только незначительные достижения в области научного знания, а крупные достижения всегда представляют собой результат смен парадигм (например, переход от коперниканского к ньютоновскому и от ньютоновского к эйнштейновскому взгляду на мир), смен, являющихся, по сути, иррациональными «прыжками в неизвестность».¹¹

Теория Куна подняла методологические и историографические проблемы, столь же интересные для представителей социальных наук, как и для представителей естественных наук. Ученые, верившие в рациональные, позитивные, свободные от ценностей каноны научного прогресса, отвергали вывод, в соответствии с которым не существует *объективных* критериев отдельно от меняющихся взглядов на мир практикующих ученых, на основе которых оценивается прогресс знания. Например, историки экономического анализа, шедшие по стопам Шумпетера, предпочли альтернативный подход, разработанный Лакатошем несколько лет спустя.¹² Лакатош и его последователи рассматривали историю науки как историю конкурирующих или следующих друг за другом исследовательских программ, каждая из которых исходно вдохновлялась крупной общей теорией, являвшейся достаточно новой и впечатляющей по своей объяснительной способности, что стимулировало согласованный и непрерывный поток исследований, предназначенных для проверки, расширения и четкой формулировки ее следствий или для исключения ее аномалий. В принципе, описанный Лакатошем сценарий оснастил историков правилами, которые позволяли различать прогрессивные исследовательские программы (т. е. способные предсказывать новые факты, не выводимые из соперничающих исследовательских программ) и программы вырождающиеся (т. е. не способные убедительно справиться с проблемами, трактуемыми со-

¹¹ См.: Kuhn, 1970:150 / *Кун Т.* Структура научных революций. М., Прогресс, 1977. С. 197–198: «Защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах. В одном мире содержатся несвободные тела, которые падают с замедлением, в другом — маятники, которые повторяют свои колебания снова и снова. В одном случае решение проблем состоит в изучении смесей, в другом — соединений. Один мир помещается в плоской, другой — в искривленной матрице пространства. Работая в различных мирах, обе группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной и той же позиции и смотрят в одном и том же направлении».

¹² См.: Lakatos, Musgrave (1970), где содержится статья, в которой Лакатош излагает свои воззрения по поводу «фальсификации и методологии научных исследовательских программ». Она перепечатана вместе с другими статьями по данной теме в книге: Lakatos, 1978.

временным научным сообществом как важные). С другой стороны, историки экономической мысли, которые стремились объяснить эволюционирующие научные убеждения и идеи идентифицируемых интеллектуальных сообществ, были менее возмущены тем, что Кун привлек социологические или идеологические факторы к объяснению изменения теории, хотя они считали его сценарий слишком упрощенным применительно к их целям.

Конечно, всегда существует несколько потенциально плодотворных подходов к анализу эволюций экономических идей хотя бы потому, что различные исследователи рассматривают разные вопросы. В нашем контексте интересны не методологические выводы из кунианского, лакатошианского или иных подходов, а тот факт, что эти дебаты по истории и философии науки породили поток новых исследовательских усилий, направленных на проверку гипотез, касающихся причин и природы изменений научной структуры экономической мысли в прошлые периоды и, в частности, характера и идеологического или исторического контекста так называемых революций или смен парадигм, которые, по общему мнению, имели место.¹³ При этом дебаты по поводу философии науки не были единственным внешним источником новых вопросов, поставленных перед историками экономической мысли. Например, Стиглер был вдохновлен мертоновской «Социологией науки» (Merton, 1973) на изучение случаев множественных открытий в экономической науке с целью проверить интригующую гипотезу Мертона, согласно которой «все научные открытия являются в принципе множественными, в том числе и те, что на поверхностный взгляд кажутся единоличными».¹⁴

¹³ Значительная часть новых исследований, стимулированная дебатами по поводу истории и философии науки, фокусировалась на методологических проблемах (рассматриваемых в некоторых других главах этой книги), но новые интерпретации, порожденные в ходе этих изысканий, имели значение, выходящее за рамки методологической сферы. Например, среди наиболее интересных работ была та, что обсуждалась в 1974 г. на Нафплионском коллоквиуме по исследовательским программам в физике и экономике, а впоследствии была опубликована в книге, содержавшей доклады, представленные на экономической секции (Latsis, 1976). Другим примером работы, имевшей широкую читательскую аудиторию, является работа Хатчисона: Hutchison, 1978.

¹⁴ Статья Стиглера (впервые опубликованная в юбилейном сборнике статей, посвященных Мертону (*Merton Festschrift*)) перепечатана в его работе (Stigler, 1982) под названием «Множественные открытия Мертона отвергаются и подтверждаются». Патинкин (Patinkin, 1982) также обратился к мертоновской теории множественных открытий в связи с «Общей теорией» Кейнса.

3.3. Новые подходы к истории экономической мысли, возникшие с начала 1950-х гг.

Обзор новых подходов, открывшихся в послевоенную эпоху, удобно начать со ссылки на шумпетеровскую «Историю экономического анализа» (Schumpeter, 1954b / Шумпетер Й. А. СПб., 2001), так как эта книга более чем какая-либо другая отдельно взятая работа дала профессиональным экономистам новое представление о роли истории экономической мысли в современной экономической науке. Сам Шумпетер представлял свой «*magnum opus*» как «историю интеллектуальных усилий, сделанных людьми для того, чтобы понять экономические явления, или, что то же самое, как историю аналитического или научного компонента экономической мысли» (Schumpeter, 1954b : 3 / Шумпетер. СПб., 2001. Т. 1. С. 3). Эта книга, написанная оригинальным мыслителем с блестящей международной репутацией, широкими интеллектуальными интересами и огромным разнообразным научным и практическим опытом не могла не привлечь внимания широких слоев профессиональных экономистов, несмотря на ее устрашающий объем и энциклопедический охват материала.¹⁵ От всех предыдущих трудов по истории экономической мысли ее отличало (помимо обширнейшей эрудиции автора) следующее: во-первых, она была сознательной попыткой трактовать историю экономической теории по аналогии с историей любой точной науки, сосредоточившись на экономическом анализе, а не на политической экономии или экономической мысли,¹⁶ во-вторых, ее материал излагался в уникальном шумпетеровском стиле, которому присущи богатое воображение и непочтительные спорные оценки героев прошлого, их теоретических достижений и ограничений.

В введении к своей книге Шумпетер обобщил свое личное видение роли истории науки (*любой* науки), идентифицировав четыре направления, по которым современный ученый может извлечь пользу из занятий историей своей науки.

1. Педагогические выгоды: например, «состояние любой науки в данный момент в скрытом виде содержит ее историю и не может

¹⁵ Шумпетер изучал право и экономику в Вене под руководством лидеров австрийской экономической школы, был полным профессором в Граце и Бонне перед переходом на профессорскую должность в Гарварде, которую он занимал с 1932 по 1950 г., являлся президентом одного из венских частных банков с начала 1920-х гг. до его краха в 1926 г., а также министром финансов Австрии в течение нескольких месяцев в 1919 г. Он был также в числе передовых экономических теоретиков и экономических историков.

¹⁶ Шумпетер определял наиболее общую категорию — экономическую мысль — как «совокупность всех мнений и пожеланий по экономическим вопросам, присутствующих в общественном сознании в данное время и в данном месте» (Schumpeter, 1954b : 52 / Шумпетер Й. А. СПб., 2001. Т. 1. С. 46).

быть удовлетворительно изложено, если это скрытое присутствие не сделать открытым» (Schumpeter, 1954b : 4 / Й. А. Шумпетер. История экономического анализа. СПб., 2001. Т. 1. С. 5).

2. Новые идеи: например «Мы осознаем, в силу каких причин мы находимся именно на нашей стадии развития и не продвинулись дальше». И мы узнаем, *какие идеи в науке пользуются успехом и почему*». (Schumpeter 1954b : 5, курсив в оригинале / Й. А. Шумпетер. История экономического анализа. СПб., 2001. Т. 1. С. 6).

3. Идеи по поводу способов мышления: например, «даже самый замкнутый из ученых обязательно раскрывает свой мыслительный процесс — такова природа научной деятельности (в отличие от политической)» (Schumpeter 1954b : 5 / Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб., 2001. Т. 1. С. 6).

4. Понимание эволюции научных идей.

Именно об этом четвертом «источнике пользы», т. е. о постижении «процесса, в ходе которого усилия людей понять экономические явления в нескончаемой последовательности порождают, совершенствуют и устраняют аналитические структуры» (Schumpeter, 1954b : 6 / Шумпетер Й. А. СПб., 2001. Т. 1. С. 7), Шумпетер говорил как об основной цели своего труда ввиду его особой важности для экономической науки. Особым свойством экономической теории, которое он подчеркивает в этом контексте, была не только историческая обусловленность ее предмета исследования, но также склонность экономистов к зашоренности глубокими доктринальными различиями. Очевидным «лекарством» от этого недуга является систематическое изучение истории доктрин, благодаря которому экономист, готовый воспринять интересное «предположение или полезный, хотя и горький, урок», может извлечь пользу из трудов предшественников, работавших «по другую сторону» доктринального барьера.

Для немногих специалистов по истории экономической мысли, ставших преподавать и исследовать предмет, бывший тогда (в период экономического бума 1950-х и 1960-х гг.) одной из наименее модных областей расширяющейся, становящейся все более техничной и высокопрофессионализированной экономической науки, «История» Шумпетера представляла своевременную рекламу, которая сулила заметное продвижение в сравнительно «заброшенной» области экономического знания.¹⁷ Это был не тот текст, который можно было бы

¹⁷ Ее своевременность была усилена тем фактом, что шумпетеровское видение тогдашнего состояния экономической науки, с которым было тесно связано его описание ее прошлого, полностью соответствовало видению неоклассических теоретиков общего равновесия, которые начали доминировать в ортодоксальных экономических исследованиях в 1950-х гг. См., например: Schumpeter (1954b : 242), где Шумпетер приписывал Вальрасу открытие «фун-

порекомендовать рядовым студентам, но он вдохновлял (и вдохновляет до сих пор) множество талантливых и полных энтузиазма последователей, разделявших веру Шумпетера в педагогическую и методологическую важность преподавания истории экономического анализа тем, кто обучается современной экономической теории. Одним из самых ранних учебников, написанных в традиции Шумпетера, который был по заслугам оценен как наиболее удачный, была книга Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе», впервые опубликованная в 1962 г. и затем дважды переработанная (Blaug, 1978). Она представляет собой особенно интересный пример не только потому, что имела широкую читательскую аудиторию, но также и по той причине, что переработанные издания хорошо отражали последние разработки в истории экономической мысли. Как пояснил Блауг в своем предисловии к первому изданию, цель его книги — послужить материалом для преподавания современной экономической теории, о которой он в самоуверенном духе 1960-х гг. писал, что «современная теория покрыта шрамами вчерашних проблем, ныне разрешенных, вчерашних промахов, ныне выправленных, и не может быть полностью понята, если не рассматривать ее как наследие прошлого» (Блауг, 1994. С. XXIV).¹⁸ Однако к тому времени, когда он начал работать над вторым переработанным изданием, несостоятельность экономической ортодоксии 1950-х и 1960-х гг. при решении аналитических проблем 1970-х гг. оживила интерес даже экономистов основного течения к альтернативным экономическим доктринам, а также, что было вполне предсказуемо, их интерес к истории экономической мысли. В предисловии к третьему изданию Блауг отметил, что «признаки такого оживления появились и выражаются в половодье статей и книг по истории экономической теории в последние несколько лет, не говоря уже о возрождении курсов по истории мысли на экономических факультетах всего мира» (Blaug, 1978 : xii / Блауг, 1994. С. XXVIII).¹⁹

даментальной проблемы» экономической науки и «Великой хартии экономической теории». См. также работу Самуэльсона (Samuelson, 1962), который следующим образом поддержал убежденность Шумпетера в том, что Вальрас был величайшим из экономистов: «Сегодня может быть мало сомнений в том, что подавляющая часть вербальной и математической экономической теории, появляющейся в наших профессиональных журналах, обязана своим возникновением Вальрасу в большей степени, чем кому-либо еще (я подчеркиваю эпитет *вербальная*)».

¹⁸ Все три предисловия перепечатаны в работе Блауга (Blaug, 1978): «Эта книга представляет собой исследование логической структуры и объяснительной ценности так называемой ортодоксальной экономической теории» (Blaug, 1978 : vii / Блауг, 1994. С. XXVIII).

¹⁹ См. также: «То, что было восстановлено, однако не стало в полной мере той милой нашему сердцу старой историей экономической мысли, которую мы знали пятнадцать или двадцать лет назад» (Blaug, 1978 : xii / Блауг, 1994. С. XXVIII).

Новые исследовательские программы, возникшие к 1970 г. в истории экономического анализа и экономических доктрин, побудили его кардинально переписать в третьем издании те части его книги, которые были посвящены рикардианской, кейнсианской, марксистской и австрийской экономическим школам.

Новые разработки в истории доктрин

Некоторым образом именно марксистская экономическая теория внесла наиболее заметный вклад в послевоенное оживление истории экономических доктрин; ведь в этой области наблюдалось заметное увеличение числа научных (а не чисто полемических) статей и монографий. Предвоенные учебники по истории экономической теории трактовали Маркса и его последователей как не имеющих значения для телеологического описания прогресса экономической науки. Мало кто из экономистов основного течения достаточно долго изучал труды Маркса, чтобы написать формальную критику его экономического анализа.²⁰ К началу 1950-х гг. изменение в отношении к этому аспекту истории мысли стало очевидным. Например, симптоматично, что Ролл (впервые) включил оценку экономической теории Маркса в издание 1953 г. своей книги по истории экономической мысли, имевшей широкую читательскую аудиторию. В течение последующих двух десятилетий не одна, а несколько исследовательских программ и дальнейшие дебаты стимулировали тщательно взвешенную оценку марксистских моделей и породили более широкое понимание их значимости для современных экономистов.²¹ С тех пор произошел значительный сдвиг в восприятии экономистами основного течения Маркса как экономиста-теоретика, а также в их готовности прислушиваться к исследовательским результатам историков идей с сильным марксистским телеологическим уклоном. Конечно, систематический обмен был значительно облегчен некоторыми недогматически настроенными марксистскими специалистами по истории экономической мысли. Например, книга Мика «Исследования в области трудовой теории ценности» (Meek, 1956) была предназначена для того, чтобы навести мосты между марксистскими экономистами и их немарксистскими коллегами, объяснив смысл марксизма и показав его

²⁰ Одной из самых ранних работ была книга Робинсон «Очерк марксистской экономической теории» (Robinson, 1942).

²¹ Семь страниц «рекомендаций к дальнейшему чтению», которые были приложены Блаугом к его новой главе об экономической теории марксизма, содержат полезный обзор характера этой литературы и диапазона проблем, охватываемых ею.

применимость к реальной социалистической или капиталистической экономике.²²

К 1970-м гг. трактовка Маркса, которого президент Американской экономической ассоциации уничижительно охарактеризовал в 1961 г. как «второстепенного пострикардианца», как великого экономиста стала общим местом для неоклассических экономистов основного течения. Это было значительным изменением, поскольку оживление интереса к марксистской экономической теории было тесно связано с возникшим в то же время оживлением интереса к рикардианской теории. Начало последнего можно вести со времени опубликования «Трудов и переписки» Рикардо, изданных Сраффой и Доббом (1951–1973), особенно благодаря поднятым там вопросам относительно обоснованности общепринятых интерпретаций Рикардо, освященных такими авторитетами, как Найт и Шумпетер. Книга Блауга «Рикардианская экономическая теория» (Blaug, 1958) была одной из первых монографий, опубликованных в качестве «ответа» на этот вызов. Однако связь между рикардианской и марксистской доктринами была наиболее убедительно показана в более поздних работах самими издателями собрания сочинений Рикардо. Книга Сраффы «Производство товаров посредством товаров: вступление к критике экономической теории» (Sraffa, 1960) была неожиданной вспышкой, которая зажгла яркое пламя доктринальных дебатов, имевших широкую читательскую аудиторию и охвативших научные журналы по данной дисциплине, — неожиданной потому, что небольшая монография была бескомпромиссно абстрактной аналитической работой, фокусировавшейся на теоретической проблеме, «выпавшей» из сферы текущих интересов экономистов более чем на столетие. Так или иначе, предложенное Сраффой решение проблемы, поставившей в тупик Рикардо, — проблемы меры ценности, инвариантной по отношению к изменениям ставки заработной платы или нормы прибыли, — обеспечило аналитические рамки, более совместимые с марксистским, а не с неоклассическим подходом к теории ценности и распределения.

Что касается Добба, то он первым сделал выводы для истории доктрин, вытекающие из написанного Сраффой «вступления к критике [неоклассической] политической экономии». Книга Добба «Теории ценности и распределения после Адама Смита» (Dobb, 1973) предложила новое направление телеологической эволюции экономической науки. Аргументация основывалась на выделении «двух совершенно различных и соперничающих в экономической мысли XIX в. традиций, объясняющих порядок и способ детерминации феноменов обмена

²² См. также книги Мика «Экономическая теория физиократии» (Meek, 1962) и «Экономическая теория и идеология» (Meek, 1967) — обе эти работы также написаны с марксистских позиций.

и распределения»; причем обе эти традиции восходят к Адаму Смиту (Dobb, 1973: 112). Первая традиция, берущая начало от Смитовой теории естественных цен на основе издержек производства (теории ценности, основанной на суммировании издержек), разрабатывалась Сениором, Миллем, Джевонсом, Маршаллом и Вальрасом и далее современными неоклассическими теоретиками общего равновесия, такими как Самуэльсон, Эрроу и Дебре; другая, берущая начало от Смитова видения взаимозависимости цен конечных благ, с одной стороны, и доходов общественных классов, формирующих издержки производства этих благ, с другой стороны, разрабатывалась Рикардо, Марксом и Сраффой и далее неомарксистами и неорикардianцами середины XX в. Идея двух традиций в экономической мысли была достаточно известна в книгах по истории экономической теории неоклассической ориентации, которые, разумеется, выделяли «правильное» видение, где теория распределения оказывалась дополнением к теории цен (*всех* благ и услуг) в долгосрочном конкурентном равновесии.²³ Монография Добба впервые сделала отчетливый акцент на альтернативном видении экономической системы, воплощенном в теории ценности Рикардо—Маркса, в которой распределение определялось классовым конфликтом и логически предшествовало ценообразованию, а ценность зависела от количества труда, воплощенного в продукте, и роста реальной зарплаты, связанного с падением реальной прибыли. Согласно Доббу, решающим фактором, определявшим выбор экономистами одного из этих двух классических подходов, характеризовавшихся своими особыми предпосылками, понятиями и теориями, была идеология.²⁴

Доктринальные дебаты, вызванные тем, что иногда называют «сраффианской революцией», затронули широкий спектр проблем, касавшихся как деталей, так и общих принципов. Несмотря на идеологическую близорукость, проявленную многими из тех, кто внес научный вклад во все еще продолжающуюся дискуссию, разнообразие

²³ См., например: Knight (1956 : 42): «То, что называется «теорией распределения», есть по существу теория ценообразования на производственные услуги. Их цены имеют значение в связи с разделением этого продукта, но их предшествующая и даже более фундаментальная функция имеет двойственный характер распределения производственных мощностей в разнообразных формах среди отраслей, с одной стороны, и их распределения среди финансовых и производственных единиц внутри отрасли — с другой».

²⁴ Обратите внимание на подзаголовок работы Добба (Dobb, 1973) «Идеология и экономическая теория». См. также: Bronfenbrenner (1974 : 482): «В отличие от Карла Маркса Дobb включает в „идеологию“ те позиции, которые ему нравятся, равно как и те, которые ему не нравятся, так что этот термин имеет приблизительно такое же значение, что и „политическая экономия“ у профессора Мюрдаля».

интерпретации того, что Рикардо в действительности имел в виду, в какой степени он продолжал смитианскую традицию и в чем заключалось наследие, оставленное им современной экономической теории, заметно расширили возможности критического понимания экономистами альтернативных систем политической экономии, равно как и самой системы идей Рикардо. Отнюдь не очевидно, что историки экономической мысли пришли к большему единству мнений по этим вопросам, поскольку в то время, как дискуссия давала ответы на некоторые из старых вопросов, она порождала большое количество новых фундаментальных вопросов. Например, в начале 1950-х гг. широко преобладала точка зрения, согласно которой рикардианская экономическая теория представляла «боковое ответвление» от ортодоксальной традиции экономического теоретизирования. Шумпетер настойчиво и постоянно писал об этом не только в отношении теории распределения Рикардо, но и в отношении его денежной теории.²⁵ Неомарксистские и неорикардианские последователи Сраффы придерживались в целом единого мнения, что Рикардо работал в традиции, идущей от Смита к классической ортодоксии XX в., но они, конечно, считали, что маржиналистская революция пошла по ложному пути.²⁶ Однако наряду с этими диаметрально противоположными точками зрения на место Рикардо в родословной основного течения современного экономического анализа всегда существовал третий подход, делавший акцент на фундаментальной непрерывности эволюции экономических идей и отвергавший идею как «рикардианского», так и «маржиналистского» уклона.

Серия монографий Холландера об экономических теориях трех ведущих английских классических экономистов — Смита, Рикардо и Милля — представила эту третью точку зрения на основе обширного детального толкования их трудов (Hollander, 1973, 1979, 1986). Холландер систематически оспаривал общепринятое мнение по поводу того, в чем состояла сущность системы экономических идей, предложенных каждым из его «подопечных». Во всех трех монографиях, а затем и в обобщающей книге о классической экономической теории (Hollander, 1987) отстаивался тезис о том, что каждый из данных трех авторов в значительной мере занимался вопросом аллокации

²⁵ См., например: Schumpeter (1954b : 704, сноска), где он декларирует как *факт* «то, что в вопросах денежной, как и общей, теории, рикардианское учение является „боковым ответвлением“, которое замедлило развитие анализа». Сравните с фразой Джевонса (Jevons, 1879) в предисловии ко второму изданию его «Теории политической экономии» о «компетентном, но ошибочно мыслящем человеке — Давиде Рикардо, [который] перевел локомотив экономической науки на ложный путь».

²⁶ В этом они следовали Марксу, который рассматривал Рикардо как «последнего из подлинно научных экономистов».

ресурсов, являющимся центральным для неоклассической экономической теории. Холландер настаивал, что историки экономической мысли часто упускали из виду фундаментальную непрерывность классических и неоклассических идей, близоруко фокусируя внимание на относительно второстепенных различиях между системами идей Смита и Рикардо, с одной стороны, и Рикардо и Милля — с другой.²⁷ «Реабилитируя» таким образом Рикардо, Холландер явно разделял «позицию, занятую Альфредом Маршаллом, который настаивал на том, что он сам писал в рикардианской традиции, и не одобрял критику в адрес Рикардо (и Дж. С. Милля) со стороны Джевонса и других» (Hollander, 1986 : 245). Значительная часть дебатов по этим вопросам вращалась вокруг идеологически инспирированных различий в акцентах, и мы можем сказать, что ни детальные комментарии классиков, используемые Холландером для подкрепления своих аргументов, ни его реабилитация теории Рикардо как части единой классическо-неоклассической линии не являются главными достоинствами его объемистой книги. Избранные цитаты из классиков не могут подкрепить точки зрения, являющиеся, по сути, идеологическими, а популярное увлечение выведением родословных сегодняшних соперничающих школ экономической мысли не является самым эффективным способом научного постижения «процесса, в ходе которого усилия людей понять экономические явления в нескончаемой последовательности порождают, совершенствуют и устраняют аналитические структуры» (Schumpeter, 1954b / Шумпетер Й. А. СПб., 2001. Т. 1. С. 7). Обширная эрудиция, привнесенная Холландером в свой анализ, и сложные проблемы, поставленные им перед сегодняшними исследователями истории экономической теории, заставляющие их систематически и детально проверять свои заключения (ответ на этот вызов см., например, в работе: Peach, 1984), — вот что очень важно в атаке, предпринятой Холландером по широкому фронту на общепринятую точку зрения учебников относительно сущности классической экономической теории XIX в.

Тем не менее во многих научных трудах, написанных в рамках доктринальных споров, — трудах, несомненно стимулировавших си-

²⁷ См., например: Hollander (1986: 167): «Общепринятое мнение, что смитианская форма „Основ“ Милля сама по себе означает отход от рикардианской теории, представляет собой ошибку, аналогичную убеждению, что Смит, в силу самой своей заинтересованности в прикладном применении теории и ее социальных аспектов, оказывается представителем аналитической „школы“, отличной от аналитической „школы“ Рикардо. В обоих примерах неправильное понимание является следствием того, что игнорируется аудитория, для которой предназначались работы названных экономистов, т. е. тот факт, что в отличие от Смита и Милля Рикардо адресовал свои труды профессионалам».

стематические исследования по истории экономической мысли в течение послевоенных десятилетий, — стало наблюдаться заметное беспокойство относительно обоснованности новых интерпретаций классиков на основе современных целевых установок. Например, это обнаружилось, когда Коллард (Collard, 1973) выразил недовольство «искусственной историей доктрин», которая пронизывала значительную часть так называемого «спора двух Кембриджей» по поводу теории капитала. Или когда Пич (Peach, 1986) пожалел о чрезмерной озабоченности современных историков экономической мысли поиском строгих непротиворечивых моделей в трудах теоретиков прошлого. В частности, он критиковал «новый взгляд» на Рикардо, предложенный в известной статье Хикса и Холландера (Hicks, Hollander, 1977), за «конструктивистскую реинтерпретацию» их «подопечного» посредством выдвижения рикардианской модели, «которая „превзошла“ раннюю модель в двух направлениях — формальной обобщенности и неправильности интерпретации».²⁸ Схожую озабоченность позднее выразил Блауг (Blaug, 1985) в статье, написанной для конференции, посвященной наследию Рикардо: «Я полагаю, что существует реальное различие между постижением того, что Рикардо имел в виду или мог иметь в виду, и постижением того, что он должен был иметь в виду, если бы он был подлинно строгим теоретиком в соответствии со стандартами современной экономической науки».

Исторические подходы к истории экономической теории

Видимо, не стоит удивляться тому, что специалисты по истории экономической мысли стали все сильнее выступать против интерпретации экономического анализа прошлого в современных аналитических категориях (с идеологическим подтекстом или без него), поскольку это отрывало труды экономистов прошлого от их собственного контекста и искажало идеи, которые те стремились передать своим современникам, — все это создает плодотворную почву для мифов. Правда, экономисты середины XX в. обычно утверждают, что они пытаются полностью учитывать исторический и интеллектуальный контекст, в котором формировались теории прошлого, прежде чем оценить их значение для долгосрочной эволюции экономических

²⁸ См. статью Пича о трактовке Рикардо заработной платы (Peach, 1986 : 124–125), первоначально прочитанную в 1985 г. в виде доклада на сессии Британской ассоциации развития науки. В этой же статье Пич указывает на «опасность телеологического „избирательного чтения“ (grid-reading), с помощью которого всегда можно „доказать“ нужный тезис, выделить тот или иной аспект».

идей.²⁹ Однако существует много способов нарисовать фон согласно сценарию, который уже сложился в голове автора. Кроме того, в истории экономической теории существуют ощутимые различия в подходах к конкретной исследовательской проблеме, — они связаны как с точкой зрения, от которой отталкивается исследователь, так и с выводом, к которому он собирается прийти. Например, уважение к историографическим критериям и стремление реалистично изложить цели и смысл прошлого экономического анализа и его связи с внешними событиями или социополитической обстановкой, которые влияли на него или подвергались влиянию с его стороны, не гарантируют того, что полученные результаты окажутся эмпирически недвусмысленными.

Новые горизонты, недавно открытые исследователями, чья методология ориентировалась на историографические (а не телеологические, доктринальные или идеологические) критерии, весьма разнообразны, поскольку не все из этих исследователей сами являются профессиональными экономистами. И действительно, некоторые из них стали продвигаться в направлениях, которые могут показаться экономистам нелепыми. Например, Трайб (Tribe, 1977), который попытался идентифицировать и проанализировать экономические дискуссии XVII и XVIII вв. в их реальном историческом единстве, указывает на то, что «глубокие знания современной экономической теории представляют собой огромное препятствие для любого потенциального историка» экономических идей. Выступая против традиции, в соответствии с которой история экономического анализа должна переписываться каждым поколением экономистов,³⁰ он настаивает на том, что принцип оценивания экономических текстов прошлого на основе кри-

²⁹ См., например: Hollander (1973 : 17): «Наша точка зрения состоит в том, что невозможно понять замысел „Богатства народов“, не выяснив не только природу британской экономики во времена Смита, но и, что еще важнее, его видение этой экономики». См. также предисловие к книге Боули «Исследования истории экономической теории до 1870 года» (Bowley, 1973 : viii), в которой после констатации того, что она пыталась «рассмотреть трактовку разнообразных проблем в различных трудах исходя из аналитических рамок их авторов, а не из точки зрения современной экономической теории», она откровенно признается: «Приняв этот подход, я убедилась, что его игнорирование привело меня к неправильной интерпретации определенных аспектов теории ценности и заработной платы в моей работе „Нассау Сениор и классическая экономическая теория“».

³⁰ Сравните с тезисом Блауга (Blaug, 1978 : vii): «Между прошлым и настоящим экономическим мышлением существует взаимодействие, потому что независимо от того, излагаем ли мы мысли кратко или многословно, каждым поколением история экономической мысли будет переписываться заново» (Блауг, 1994. С. XXIV).

териев, сформированных более поздними диспутами, является анахронизмом. Его собственная книга «Земля, труд и экономический дискурс» (Tribe, 1978) представляет собой как методологическую критику существующих подходов к истории экономической мысли, так и исследование интеллектуальных условий, при которых возникла политическая экономия XIX в. Он использует тексты XVII, XVIII и начала XIX в. для подтверждения своего тезиса о том, что основные экономические категории, такие как земля и труд, имели разный смысл и выполняли разные аналитические функции в работах, написанных до начала XIX в., и что «политическая ойкономия» («political oesonomy») XVIII в. (названная так для того, чтобы отличить ее от политической экономии XIX в.) была сфокусирована на управлении государственным хозяйством, а не на экономике в современном аполитичном смысле. Наиболее еретический вывод из этого тезиса состоит в том, что общепринятая «канонизация» Адама Смита как основателя современной экономической науки является неправильной и классическая политическая экономия (первый экономический дискурс, четко сфокусировавшийся на капиталистической экономической системе) не появилась на свет до начала второго десятилетия XIX в. По сути, археологический (а не исторический) подход³¹ Трайба, основанный на свидетельствах «экономических архивов», а не на идеях отдельных экономических классиков и прочих теоретиков, коренным образом ставит под сомнение эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров.

Однако такую тотальную критику всех существующих историй экономической мысли весьма трудно принять профессиональным экономистам. Существуют и другие, более известные, а поэтому и более влиятельные, попытки восстановить уважительное отношение к оригинальным текстам и приостановить дрейф в сторону мифотворчества, так часто ассоциирующегося с ретроспективным подходом к экономическим идеям прошлого. Противоположной крайностью по отношению к аскетическому, сознательно обезличенному подходу Трайба к оригинальным текстам оказался бестселлер Лейонхувуда «Кейнсианская экономическая теория и экономическая теория Кейнса» (Leijonhufvud, 1968). Он был посвящен настолько недавней истории, что его можно было легко отнести не к прошлому, а к настоящему — ведь речь шла о новой интерпретации идей классика экономической науки, которому единодушно (как профессиональными

³¹ См., например: Tribe (1978 : 159): «Хотя предметом этой книги являются архаические дискурсы, нельзя сказать, что она является исторической, поскольку хронология и телеологическая конструкция, типичные для истории экономической теории, не лежат в основе организации текста».

экономистами, так и всеми остальными) приписывалось осуществление самой последней и самой радикальной революции в экономической теории. Более того, эта книга была опубликована в то время, когда новая ортодоксия, порожденная кейнсианской революцией, оказалась поставленной под сомнение как прикладными экономистами, так и ведущими теоретиками и потеряла свое очарование для политиков. Короче говоря, критика Лейонхуфвудом современной общепринятой точки зрения по поводу того, что Кейнс хотел сказать в «Общей теории» (и что его последователи затем сделали из этого), прямо «поставила» историю мысли на службу современным теоретическим дебатам.

Заявленная главная цель исследования Лейонхуфвуда состояла в «переоценке концептуальных рамок, в которых сформировалась „Общая теория“» (Leijonhufvud, 1968 : 6), а его основной тезис заключался в том, «что теория Кейнса совершенно отлична от „кейнсианской“ теории доходов—расходов» (Leijonhufvud, 1968 : 8). Из высказываний Лейонхуфвуда очевидно, что его забота о толковании того, «что Кейнс в действительности говорил», была вторичной по отношению к его главной цели. Однако два десятилетия спустя мы имеем право утверждать, что именно ниспровержение Лейонхуфвудом некоторых общепринятых мифов, касающихся того, что в действительности было написано в «Общей теории», и его тщательно аргументированная новая интерпретация того, что Кейнс намеревался сказать, представляют собой главное непреходящее наследие его исследования и главный результат его непосредственного воздействия на профессиональных экономистов в целом. Исследование Лейонхуфвуда замечательно проиллюстрировало то, насколько идеи выдающегося мыслителя могут быть не только выхолощены, но и фальсифицированы убежденными последователями. Для историков экономической мысли, которые все время говорили о том, что рикардианскую, марксистскую или маршаллианскую экономическую теорию не следует путать с экономической теорией Рикардо, Маркса или Маршалла, это искажение не оказалось неожиданным. Удивительной была быстрота, с которой легенды относительно содержания «Общей теории» были приняты (или неявно признаны) не только авторами учебников, но и некоторыми из тех, кто жил во время кейнсианской революции и имел веские основания ощущать себя ее частью.

Сейчас эти мифы³² опровергнуты (или перефразированы), а учебники переработаны. Однако предложенная Лейонхуфвудом интерпретация того, что Кейнс имел в виду, не была легко усвоена ни продол-

³² Например, миф о том, что Кейнс основывал свою аргументацию на «ликвидной ловушке» или на предпосылке, согласно которой заработная плата является негибкой в сторону понижения, или на допущении, согласно которому как сбережения, так и инвестиции эластичны по проценту.

жателями «кейнсианской революции», ни ревизионистами. В ходе последующих дебатов скоро стало очевидно, что существуют разнообразные альтернативные интерпретации центральной идеи Кейнса и того, в каком смысле она представляла собой революцию в экономической теории. Количество новых интерпретаций продолжало расти в течение последних двух десятилетий — отчасти в ответ на вызов, брошенный Лейонхувудом, но в значительно большей степени ввиду безмерного увеличения объема оригинальных текстов, ставших доступными в 29-томном «Собрании сочинений» Кейнса (1971–1989).³³ Трудно кратко обобщить явившееся следствием этого изобилие книг, статей, конференций, семинаров и магистерских курсов, посвященных переоценке экономической теории Кейнса (и ее соотношения с одной или несколькими версиями кейнсианства, меняющимися с калейдоскопической быстротой). Однако поскольку большая часть всего этого связана с продолжающимися теоретическими дебатами по поводу современной макроэкономической или денежной теории (а не исследовательской программы в истории экономической мысли), то такое обобщение и не нужно в этой главе. Урок, который, по-видимому, полезно отсюда извлечь, состоит в том, что неизбежно существует субъективный или неисторический элемент, который искажает интерпретации экономического анализа прошлого, осуществляемые с целью внести вклад в понимание или решение сегодняшних теоретических проблем.

Однако существует расширяющаяся область исследований в рамках истории экономической мысли, в которой историографические критерии превалируют над доктринальными или идеологическими соображениями, а конечные цели исследования являются эмпирическими, а не теоретическими или педагогическими. Результаты таких изысканий вызывают меньше разногласий, чем большая часть исследований, рассмотренных выше; однако эти результаты не менее важны. Например, среди новых тенденций в истории экономической мысли во второй половине XX в. наблюдался все более значительный поток проектов, направленных на то, чтобы рассмотреть действительный контекст, в рамках которого были разработаны конкретные экономические теории, модели и предписания относительно экономической политики и с которым все они взаимодействовали. Значительная часть этих трудов была побочным продуктом более широких исследований, осуществленных специалистами по истории экономической мысли или экономическими историками — обе эти группы ученых традиционно занимались процессами диффузии, а также формализации или происхождения экономических идей. Например, очерки, собранные в книге Игли «Идеология событий и экономиче-

³³ Том XXX, вышедший из печати в 1989 г., содержит библиографию и предметный указатель.

ская теория» (Eagly, 1968), или статьи и фрагменты, перепечатанные в книге Коутса «Классические экономисты и экономическая политика» (Coats, 1971), иллюстрируют характер и размах некоторых проблем, рассмотренных в рамках такого подхода. Однако фактором, давшим общий импульс таким изысканиям и вызвавшим интерес к ним, оказалась профессионализация дисциплины и беспрецедентное развитие — особенно после Второй мировой войны — роли ученого-экономиста как консультанта в сфере экономической политики.³⁴

Сейчас уже опубликовано очень большое число статей и значительное количество монографий, в которых изучаются — с различной степенью всеобщности и детальности — деятельность ведущих экономистов прошлого в качестве консультантов правительств, термины, с помощью которых они обосновывали свои предписания, и степень, в какой им удавалось повлиять на субъектов политики. Среди прочего в этих работах обсуждаются адекватность профессиональных аналитических инструментов экономистов, направленных на решение проблем, с которыми они сталкиваются как экономические консультанты; восприимчивость правительств, социальных или политических групп к их доводам; природа и степень консенсуса мнений среди представителей данной дисциплины по поводу различных вопросов и в различные моменты времени; способы, с помощью которых на теории и предписания экономистов влияют (или подвергаются влиянию с их стороны) внешние по отношению к их профессиональной области идеи и факты. Например, в 1964 г. Стиглер посвятил свое президентское обращение на годовом собрании Американской экономической ассоциации обсуждению роли некоторых ведущих экономистов прошлого, которые давали консультации по поводу правительственной политики, и предупредил свою аудиторию, что влияние экономистов «обычно было незначительным, поскольку им недоставало специального профессионального знания сравнительной компетенции государства и частного предприятия» (Stigler, 1983 : 30). Вернувшись к этой теме в 1970-е гг. — в то время, когда профессиональные экономисты имели не такую хорошую репутацию, — он настаивал на том, что «экономист играет поистине фундаментально важную роль, когда увеличивает объем знаний о функционировании экономических систем», но, поскольку его открытия в этой области слишком специализированны и

³⁴ Специальный выпуск «History of Political Economy» (Coats, 1981) был посвящен статьям, в которых на основе данных по некоторым развитым и развивающимся странам описывается возрастание роли экономистов в правительстве после Второй мировой войны, событие, которое было охарактеризовано Коутсом (Coats, 1981 : 342) как «водораздел как в сфере государственной экономической и социальной политики, так и в области развития экономической теории как научной дисциплины и науки, обосновывающей политические меры».

формализованны, чтобы их легко могли понять те, кто не принадлежит к узкому кругу его собратьев по научной работе, «влияние трудов экономиста и уважение, которым он пользуется среди обычных людей (непрофессиональных экономистов), по всей вероятности, будут отрицательно коррелировать друг с другом» (Stigler, 1983 : 67).³⁵

Одной из самых ранних и наиболее широко читаемых научных монографий, посвященных общей теме «Взаимосвязь изменений в мышлении и интересах экономистов с методами и целями лиц, ответственных за проведение экономической политики», была книга Уинча «Экономическая теория и политика» (Winch, 1969). Касаясь первой половины XX в. (и особенно периода после 1920 г.), она заполняла разрыв в истории экономической теории, экономической политики и событий недавнего прошлого и представляла, таким образом, особый интерес для студентов и неспециалистов. За ней последовало множество более специализированных и обстоятельных исследовательских монографий, таких как близкий по духу анализ Хоусона и Уинча (Howson, Winch, 1977) практической деятельности Совета экономических консультантов в 1930-е гг., а также исследования, затрагивавшие более давнее прошлое. Например, в работе «Британская экономическая мысль и Индия» Барбер (Barber, 1975) проанализировал действенность экономической теории для решения экономических проблем, с которыми сталкивалась Индия за весь период существования Ост-Индской компании. Другие историки экономической мысли рассмотрели сложные взаимодействия между экономическими событиями, теориями и политическими мерами применительно к более коротким промежуткам времени и более узко определенным темам. Например, Берг (Berg, 1980) сфокусировала внимание на приблизительно трех десятилетиях, последовавших за наполеоновскими войнами, в своем детальном исследовании теоретических и идеологических выводов из «вопроса о машинах» («machinery question»). Она утверждала, что это был критический период, когда современники впервые полностью осознали технологические изменения, присущие первой промышленной революции, и когда появилась классическая политическая экономия. Однако несмотря на очевидно узкую проблему, выбранную для исследования, ее видение предмета значительной части дебатов в XIX в., и ее «анализ многих различных уровней — политического, социального и интеллектуального, на которых была создана и четко сформулирована политическая экономия» (Berg, 1980 : 8), значительно расширили перспективы перед дальнейшими исследователями.

³⁵ См. также работу Жаффе (Jaffé, 1975), в которой обсуждается неудача Леона Вальраса как экономического консультанта.

Расширение горизонтов исследований для ученых, приверженных историографическому подходу к истории идей, оказалось отличительной характеристикой значительной части работ по истории экономической мысли, опубликованных за последнюю четверть века. В некоторой степени это отражает «сдвиг» в роли многих профессиональных экономистов в сторону более непосредственного участия в процессе осуществления экономической политики, «сдвиг», имевший место в течение и по окончании Второй мировой войны. Возможно, более важным событием, чем увеличение во всем мире количества экономистов, занятых полный рабочий день в качестве специалистов на государственных должностях, оказалось увеличение пропорции ведущих ученых-экономистов, исполнявших в некоторые периоды своей карьеры — по совместительству или в течение ограниченного временного интервала — роль экономических консультантов ведущих политиков (находившихся у власти или в оппозиции), а также увеличение численности лиц, получивших экономическое образование, которые сейчас занимают политические или административные посты. Многочислителен тот факт, что термин «политическая экономия», значение которого к середине XX в. стало антикварным (фактически его место в ортодоксальных учебниках заняли очевидно аполитичные термины, такие как «экономический анализ», «экономическая наука» или «позитивная экономическая теория»), стал снова «входить в моду» в 1970-е гг. — и не только среди авторов, пытающихся отделить свой дискурс от ортодоксальной традиции. По сути, произошли всеобъемлющие изменения в восприятии экономистами своей профессиональной роли, а также масштаба и природы своей дисциплины.

В этих обстоятельствах вопросы наподобие тех, что были подняты Уинчем (Winch, 1969), например те, что касались отношений между экономической мыслью и мероприятиями экономической политики, привлекали интерес экономистов-профессионалов, которые прежде не уделяли внимания истории своей дисциплины. Когда дебаты, связанные с работой Лейонхувуда (Leijonhufvud, 1968), побудили большинство экономистов (и даже непрофессионалов) прочесть «Общую теорию», каждый получил возможность (и многие ее использовали) процитировать известную фразу Кейнса о могуществе экономической мысли прошлого:

...идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад.

(Keynes, 1936 : 383 / Дж. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. С. 458)

Когда дебаты между монетаристами и кейнсианцами начали переходить со страниц научных журналов на страницы финансовых разделов ежедневных газет, всем захотелось узнать, что случилось с так называемой «кейнсианской революцией».

Тем временем в течение примерно последних двух десятилетий произошло огромное увеличение объема первичных материалов, а также усиление стимулов к плодотворным исследованиям имевших место в XX в. связей между изменениями социально-экономической обстановки и системы, а также изменениями целей и восприятий лиц, ответственных за проведение экономической политики, с одной стороны, и достижениями в области экономического знания (теоретического или эмпирического) — с другой. Не считая материала, содержавшегося в «Собрании сочинений» Кейнса (Keynes, 1971–1989) и в бесчисленных биографиях, дневниках и воспоминаниях, относящихся к тому, что можно называть «кейнсианской эпохой», с середины 1960-х гг. серьезным исследователям стали доступны правительственные архивы, способные пролить яркий свет на взаимообмен идеями между экономистами и лицами, ответственными за проведение политики.³⁶ Значительная часть недавних исторических исследований, стимулированная и облегченная этими тенденциями, сосредоточилась на вопросах: был ли Кейнс подлинным революционером в своей экономической теории, или в какой степени его экономические предписания были правильным ответом на тогдашние события, или каким образом и когда те, кто осуществлял экономическую политику, реагировали на его теории и аргументы? Результаты этих исследований все более впечатляют, часто являются спорными и очень поучительными не только для историков, но и для современных экономистов, интересующихся способами, посредством которых «практики», находящиеся у власти или за ее пределами, употребляют экономические понятия, теории и модели или злоупотребляют ими. Эти исследования варьируют, например, от монографии Могриджа (Moggridge, 1972) «Британская денежная политика в 1924–1931 годы», в которой он рассматривает причины и последствия возврата к золотому стандарту в 1925 г., до широкого спектра статей и монографий, в которых обсуждаются

³⁶ Например, в Великобритании до 1966 г. существовало правило, согласно которому для исследователей был закрыт доступ к государственным архивам до тех пор, пока не истечет пятьдесят лет с момента помещения в соответствующую папку на хранение последнего документа из этого архива. Правило пятидесяти лет, впервые нарушенное в 1966 г., когда для ученых открыли официальные архивы, охватывающие период Первой мировой войны и ее последствий, было заменено в 1967 г. правилом тридцати лет.

масштабы и временные рамки революции в британской экономической политике (Whitehall revolution), которую можно назвать (но можно и не называть) кейнсианской.³⁷ Конечно, ни одна из исторических исследовательских программ не была ограничена опытом Великобритании. Например, книга Барбера (Barber, 1985) «От „Новой эры“ к „Новому курсу“» касается эпизода из экономической истории США, обсуждая взгляды Герберта Гувера на теорию экономической политики и взгляды современных экономистов на события 1921–1933 гг.

3.4. Заключение

Возрождение исследований по истории экономической мысли, характеризовавшее четыре десятилетия, прошедшие после 1950 г., породило широкий поток научных публикаций в этой области, причем значительная часть из них была впечатляюще высокого качества. Ограниченность размера статьи не позволяет даже в самых общих чертах сделать обзор масштабов и качества результатов, которые стали доступными только на английском языке, а это, несомненно, в основном не английский феномен. Поэтому я ограничила себя рассмотрением тех разделов этого очень широкого спектра исследований, где, как мне кажется, контрастные подходы открыли новые перспективы, которые особенно интересны не только для академических специалистов в некоторых передовых областях истории или теории, но также в целом для экономистов или историков. Я стремилась сделать это описание иллюстративным, а не объяснительным и не пыталась систематизировать результаты самых выдающихся или самых прогрессивных исследований на сегодняшний день или определить тенденции и перспективы будущих исследований по истории экономической мысли.³⁸ Данная глава отражает субъективную точку зрения наблюдателя, путешествующего на поезде, идущем с большой скоростью по местности с разнообразным ландшафтом.

³⁷ Чтобы ознакомиться с выборкой трудов в рамках этой исследовательской программы, см., например, работы: Peden, 1983; Booth, 1986; Browning, 1986; Corry, 1986; Rollings, 1988.

³⁸ О тенденциях недавнего прошлого см., например, статьи, написанные в честь десятилетия журнала «History of Political Economy», опубликованные в этом журнале в 1983 г.; особенно статьи Коутса (Coats, 1983), а также де Марки и Лодевикса (de Marchi, Lodewyckx, 1983), где обсуждаются тенденции журнальных публикаций начиная с 1968 г.

Литература

- Ashley W. J.* The rehabilitation of Ricardo // *Economic Journal*. 1891. Vol. 1 (1).
- Barber W.* *British Economic Thought and India 1600–1858. A Study in the History of Development Economics.* Oxford : Oxford University Press, 1975.
- Barber W.* *From New Era to New Deal: Herbert Hoover, the Economists and American Economic Policy 1921–1933.* Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
- Berg M.* *The Machinery Question and the Making of Political Economy 1815–1848.* Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Black R. D. C., Konekamp R.* (eds). *Papers and Correspondence of William Stanley Jevons.* London : Macmillan. 1971–1980. Vols I–VII.
- Blaug M.* *Ricardian Economics.* New Haven, CT : Yale University Press, 1958.
- Blaug M.* *Economic Theory in Retrospect / 3rd edn.* Cambridge : Cambridge University Press, 1978.
- Blaug M.* What Ricardo said and what Ricardo meant / In G. A. Caravale (ed.). *The Legacy of Ricardo.* Oxford : Basil Blackwell, 1985.
- Bronfenbrenner M.* Review of Dobb's Theories of Value and Distribution since Adam Smith // *History of Political Economy*. 1974. Vol. 6 (4): P. 481–486.
- Boulding K. E.* After Samuelson who needs Adam Smith? // *Journal of the History of Political Economy*. 1971. Vol. 3.
- Booth A.* Simple Keynesianism and Whitehall 1936–1947 // *Economy and Society*. 1986. Vol. 15 (1).
- Bowley M.* *Nassau Senior and Classical Economics.* London : Allen & Unwin, 1937.
- Bowley M.* *Studies in the History of Economic Theory before 1970.* London : Macmillan, 1973.
- Browning P.* *The Treasury and Economic Policy 1964–1985.* London : Longmans, 1986.
- Coats A. W.* Research priorities in the history of economics // *History of Political Economy*, 1969. Vol. 1 (1).
- Coats A. W.* (ed.). *The Classical Economists and Economic Policy.* London : Methuen, 1971.
- Coats A. W.* (ed.). *Economists in government // History of Political Economy*. 1981. Vol. 13 (3).
- Coats A. W.* The first decade of HOPE (1968–1979) // *History of Political Economy*. 1983. Vol. 15 (3).
- Collard D.* Léon Walras and the Cambridge caricature // *Economic Journal*. 1973. Vol. 83.
- Corry B.* Keynes's economics: a revolution in economic theory or economic policy? / In R. D. Collison Black (ed.). *Ideas in Economics.* London : Macmillan, 1986.
- Dobb M. H.* *Theories of Value and Distribution since Adam Smith: Ideology and Economic Theory.* Cambridge : Cambridge University Press, 1973.
- Eagly R. V.* (ed.). *Events, Ideology and Economic Theory.* Detroit, MI : Wayne University Press, 1968.

- Gide P. H. C., Rist C.* Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris; History of Economic Doctrines. transl. R. Richards, London : Harrap, 1909.
- Gray A.* The Development of Economic Doctrine: an Introductory Survey, London : Longmans, Green, 1931.
- Hicks J. R.* Classics and Moderns, Collected Essays. Oxford : Oxford University Press, 1983. Vol. III.
- Hicks J., Hollander S.* Mr Ricardo and the moderns // Quarterly Journal of Economics. 1977. Vol. 91 (2).
- Hollander S.* The Economics of Adam Smith. London : Heinemann, 1973.
- Hollander S.* The Economics of David Ricardo. Toronto : Toronto University Press, 1979.
- Hollander S.* The Economics of John Stuart Mill. 2 vols. Toronto : Toronto University Press, 1986.
- Hollander S.* Classical Economics. Oxford : Basil Blackwell, 1987.
- Howson S., Winch D.* The Economic Advisory Council 1930–1939: A Study of Economic Advice during Depression and Recovery, Cambridge : Cambridge University Press, 1977.
- Hutchison T. W.* On Revolutions and Progress in Economic Knowledge. Cambridge : Cambridge University Press, 1978.
- Jaffé W.* (ed.). Correspondence of Léon Walras and Related Papers. Amsterdam : North-Holland, 1965. Vols I–III.
- Jaffé W.* Léon Walras: an economic adviser manqué // Economic Journal, 1975. Vol. 85.
- Jevons W. S.* The Theory of Political Economy / 2nd edn. London : Macmillan, 1879.
- Keynes J. M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. London : Macmillan, 1936.
- Keynes J. M.* The Collected Writings of John Maynard Keynes / eds D. Moggridge and E. Johnson. 30 vols. London : Macmillan, 1971–1989.
- Knight F. H.* On the History and Method of Economics. Chicago. IL : University of Chicago Press, 1956.
- Koot G. M.* English Historical Economics 1870–1926. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
- Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, IL, 1968. Chicago University Press, 1970.
- Kuhn T. S.* The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. Chicago. IL : University of Chicago Press, 1977.
- Lakatos I.* The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Vol. I. Cambridge : Cambridge University Press, 1978.
- Lakatos I., Musgrave A.* (eds). Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge : Cambridge University Press, 1970.
- Latsis S.* (ed.). Method and Appraisal in Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
- Leijonhufvud A.* On Keynesian Economics and the Economics of Keynes. New York : Oxford University Press, 1968.

- McCulloch J. R.* The Literature of Political Economy. A Classified Catalogue of Select Publications in the Different Departments of that Science with Historical Critical and Biographical Notices. 1845. reprinted 1938. London: LSE Reprints Series.
- Marchi N. de, Lodewyks J.* HOPE and the journal literature in the history of economic thought // History of Political Economy. 1983. Vol. 15 (3).
- Marx K.* Theories of Surplus Value. 3 vols. London : Lawrence & Wishart, 1969–1972.
- Meek R. L.* Studies in the Labour Theory of Value. London : Lawrence & Wishart (2nd rev. edn 1973). 1956.
- Meek R. L.* The Economics of Physiocracy. Cambridge : MA. Harvard University Press, 1962.
- Meek R. L.* Studies in Ideology and Other Essays. London : Chapman and Hall, 1967.
- Merton R. K.* The Sociology of Science. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1973.
- Mill J. S.* The Collected Works of John Stuart Mill. London : Toronto University Press and Routledge, 1963.
- Moggridge D.* British Monetary Policy, 1924–1931: The Norman Conquest of \$4.86, Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Morishima M.* Marx's Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1973.
- Morishima M.* Walras's Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1977.
- Morishima M.* Ricardo's Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Myrdal G.* The Political Element in the Development of Economic Theory, trans. from German edn (1932) by Paul Streeten (original Swedish edn 1929). London : Routledge & Kegan Paul, 1953.
- O'Brien D. P. J. R.* McCulloch: A Study in Classical Economics. London : Alien & Unwin, 1970.
- O'Brien D. P.* The Correspondence of Lord Overstone. 3 vols. Cambridge : Cambridge University Press, 1971.
- Patinkin D.* Anticipations of the General Theory? Oxford : Basil Blackwell, 1982.
- Peach T.* David Ricardo's early treatment of probability: a new interpretation // Economic Journal. 1984. Vol. 94.
- Peach T.* David Ricardo's treatment of wages / In R. D. Collison Black (ed.). Ideas in Economics. London : Macmillan, 1986.
- Peden G. C.* Sir Richard Hopkins and the «Keynesian revolution» in employment policy, 1929–1945 // Economic History Review. 1983. Vol. 36 (2).
- Popper K.* Normal science and its dangers / In I. Lakatos and A. Musgrave (eds). Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge : Cambridge University Press, 1970.
- Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London : Macmillan, 1932.
- Robinson J.* An Essay on Marxian Economics. London : Macmillan, 1942.
- Roll E.* A History of Economic Thought. London : Faber & Faber, 1938 (rev. edn 1953; new rev. edn 1973).

- Rollings N.* British budgetary policy, 1945–1954: a «Keynesian revolution»? // *Economic History Review*. 1988. Vol. 41 (2).
- Samuelson P.* Wages and interest: a modern dissection of Marxian economic models // *American Economic Review*. 1957. Vol. 47.
- Samuelson P.* Economists and the history of ideas // *American Economic Review*. 1962. Vol. 52 (1).
- Samuelson P.* Understanding the Marxian notion of exploitation: a summary of the so-called transformation problem between Marxian values and competitive prices // *Journal of Economic Literature*. 1971. Vol. 9.
- Schumpeter J. A.* *Economic Dogma and Method: An Historical Sketch*, transl. by R. Aris from *Epochen der Dogmen- und Methodengeschichte* (1914). New York : Oxford University Press, 1954a.
- Schumpeter J. A.* *History of Economic Analysis*, edited from MS by E. B. Schumpeter. New York : Oxford University Press, 1954b.
- Smith A.* *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (1776) / eds R. H. Campbell, A. S. Skinner and W. A. Todd. Oxford : Oxford University Press, 1976a.
- Smith A.* *The Theory of Moral Sentiments* (1759), eds D. D. Raphael and A. L. Macfie. Oxford : Oxford University Press, 1976b.
- Sraffa P.* *Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory*. Cambridge : Cambridge University Press, 1960.
- Sraffa P., Dobb M. H.* *The Works and Correspondence of David Ricardo*. 11 vols. Cambridge : Cambridge University Press, 1951–1973.
- Stigler G.* *Essays in the History of Economics*. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1965.
- Stigler G.* *The Economist as Preacher*. Oxford : Basil Blackwell, 1982.
- Tribe K.* The «histories» of economic discourse // *Economy and Society*. 1977. Vol. 6 (3).
- Tribe K.* *Land, Labour and Economic Discourse*. London : Routledge, 1978.
- Walras L.* *Elements of Pure Economics*, transl. by W. Jaffé. London : Allen & Unwin, 1954.
- Whitaker J. K.* *The Early Economic Writings of Alfred Marshall 1867–1890*. 2 vols. London : Macmillan, 1975.
- Winch D.* *Economics and Policy. A Historical Study*. London : Hodder & Stoughton, 1969.